

Тропкина Н.Е. Образный строй русской поэзии 1917-1921 гг. : монография / Н.Е. Тропкина. – Волгоград : Перемена, 1998. – 222 с.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Лёве ; пер. с нем. М.Ю. Некрасова. – СПб. : Академический проект, 2003. – 816 с.

СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ И АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ В РАССКАЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ПРОЛЕТНЫЙ ГУСЬ»

О.А. Михайлушкина

*Научный руководитель: С.В. Перевалова,
доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)*

В.П. Астафьев, писатель-фронтовик, по справедливому замечанию А.Ю. Большаковой, «классик завершившегося столетия» [Большакова 2005: 22], душой и сердцем болевший за рядового солдата-освободителя, на страницах своих повестей и рассказов на первый план неизменно выводит человека простого, сильного и честного. Конечно, его герой не идеален, но он живой, остро чувствующий неустроенность жизни тех, кто так или иначе отказывается становиться в один ряд с бюрократами и прихлебателями. Как солдат, прошедший Великую Отечественную войну, не мог он не заговорить в своих произведениях и о том, как люди «уходят на войну и сражаются – вместе. <...> Возвращаются с войны и тем паче оплачивают ее счета – поодиночке» [Немзер 2000: 200]. Астафьев никогда не забывает уточнить: да, уходили вместе, но воевали – по-разному: кто-то на передовой, не жалея себя, а кто-то в тылу, не задумываясь о других. Он и в 1990–2000-х годах вновь обращает внимание современников на проблему нравственного выбора, проблему совести и бессовестности, храбрости и трусости, но уже в послевоенное время. Показывая, как в этот период набираются сил и утверждают свою власть тыловики-бюрократы за счет ущемления тех немногих, которые смогли вернуться с полей сражений, автор с болью говорит об остроте нравственных конфликтов в послевоенном обществе.

Наиболее отчетливо это проявляется в рассказе «Пролетный гусь» (2000) – произведении, ставшем своего рода завещанием художника, а содержание завещания помогает прочитать изучение системы персонажей этой «лебединой песни» русского писателя. Перед читателями предстает ряд героев, «каждый из которых по-своему выражает авторское представление о человеке» [Тамарченко 1997: 36]. В центре рассказа Астафьева – две контрастно противопоставленные пары молодоженов, в послевоенные месяцы начинающие выстраивать свою мирную жизнь в провинциальном городке Чуфырино. Симпатии автора, как и читателей,

целиком на стороне Солодовниковых: Данилы, Марины и их маленького сына Аркаши. Несмотря на то что первая встреча читателей с Данилой производит тягостное впечатление, они узнают о нем так много хорошего, что не могут не разделить восхищение писателя этим «рядовым тружеником войны». А первая встреча омрачена тем, что художник воссоздает гнетущую атмосферу туманной, дождливой поры и героя, находящегося под грузом неразрешимых проблем. Дело в том, что болен единственный сын – Аркаша, и Данила, как отец и глава молодой семьи, пытается перебороть беду: начинает охотиться на птиц в тайге, чтобы поправить здоровье ребенка гусиным бульоном. Не теряя надежды, Данила бродит наперевес с ружьем, зная, что это – единственный шанс подстрелить дичь («ружье ему доверили в последний раз» [Астафьев 2007]) и помочь сыну.

Но не помогла Аркаше редкая для Чуфырино птица – гусь: мальчика «не стало поздней осенью» [Астафьев 2007]. Уставший от изнуряющего быта, обессиленный от потери Аркаши, герой восклицает: «Какой я муж? Какой отец? Не гожусь я на эти ответственные должности!» [Астафьев 2007]. Он, как и тысячи других фронтовиков, годился на «должность» защитника Отечества в военные годы, но героическое время уходило в прошлое, а в Отечестве на первый план выходили другие должности – чиновничьи.

Автор ретроспективно показывает, каким сильным человеком был Данила, рисуя солдата, искренне верящего в начало новой жизни, в то, что и ему, воину-победителю, «в большой такой стране найдется уголочек». На вопрос: что же должно произойти, чтобы герой, отчаявшись, кричал: «Да не научены, не умеем мы жить!» [Астафьев 2007], – Астафьев отвечает событиями, разворачивающимися в рассказе, и размышлениями близких ему героев. Так, Данила неизбежность жертвовать собой на фронте ради спасения Отечества сомнению не подвергает, но убежден, что многих жертв можно было бы избежать: «Да, да, победили и сломали, да скоро узнали через солдатское радио, что косу ее ту, и брать не надо было, только заблокировать – и все, немцы б сами сдались, а то положили тыщи тыщ русских людей. Не жалели их в начале войны, в конце ими тоже никто не дорожил» [Астафьев 2007]. Вместе с героем говорит и автор, который сражался на войне рядовым солдатом и не раз был свидетелем гибели «товарищей по оружию». Но погибли они не только на войне, но и в мирное время от неустроенности, невнимания и безверия.

Учитывая жизненную позицию героя, близкого автору, важно отметить: имя «Данила» является разговорным вариантом имени «Даниил», которое «восходит к древнееврейскому языку и означает “мой судья – Бог”» [Петровский 1966: 92]. Автор не случайно выбирает такое

имя для героя, оставленного на произвол судьбы в «обезбоженном» мире, но обратившегося к Богу в трудную минуту: «Господи, помоги мне, нет, не мне, Аркашке, отроку хворому помоги» [Астафьев 2007].

Несомненно, сильной и достойной личностью в рассказе представлена Марина. В самом начале рассказа автор так по-доброму характеризует героиню: «Серьезная была девушка, строгая, хорошо, видать, хорошими родителями воспитанная» [Астафьев 2007]. В дальнейшем с этой характеристикой согласятся все читатели: добротой, готовностью помочь Марина и вызывает уважение у жителей Чуфырино. Это с ее помощью постепенно все налаживается у молодых: они отыскивают приют у Виталии Гордеевны, находят работу на железной дороге, однако болезнь Аркаши и приезд Мукомоловых ставят под угрозу существование семьи. По мере воцарения Мукомоловых в доме Виталии Гордеевны Марине все сложнее отстаивать свое семейное счастье.

А потом и вовсе падает духом Марина: после похорон сына уходит из жизни Данила, не сумевший справиться с болезнью. Оставшись одна, она ощущает себя потерянной, утрачивает надежду. Показывая читателю психологический облик Марины, автор описывает ее состояние так: «Никаких желаний, ожиданий она не испытывала, совершенно разучилась улыбаться» [Астафьев 2007].

Есть в рассказе и такой значимый эпизод: героиня, рассматривая свои старые фотографии, замечает красивую девушку, «в которой она не вдруг узнала себя» [Астафьев 2007]. Писатель с чувством щемящей горечи рисует портрет Марины, молодой, еще не изведавшей послевоенной горькой жизни девушки: «Глаза открытые, голубые, ...губы улыбочивые» [Астафьев 2007]. А вот теперь, оплакивая свою семью, загубленные жизни Аркаши и Данилы, Марина оплакивает и себя. Как птица, она стремится улететь из темного, по-осеннему хмурого Чуфырино, но не в теплые края, а к своим родным, к своей “стае”» [Астафьев 2007]. Тогда вновь обнимет она своего Арканю – «тощенькое создание с доверительно распахнутыми голубенькими глазками, с жилками, синеющими на виске и на горлышке» [Астафьев 2007], но самое дорогое для матери. Создавая образ Аркаши, Астафьев отметит: «Шел ему четвертый год, а выглядел на два с половиной» [Астафьев 2007]. Это авторское замечание не только характеризует ребенка – чуткого «барометра» семейного благополучия Солодовниковых, но и символизирует всю послевоенную жизнь в целом. Хрупкость и болезненность ребенка подчеркивает неустойчивость не только жизни семьи Марины, но и неустойчивость жизни в целом.

Правда, в ней устойчиво и надежно чувствуют себя Мукомоловы, обитающие «в своих начальственных эмпиреях» [Басинский 1996: 218]: это тыловик, подполковник Владимир Федорович Мукомолов и его жена

Нелли Сергеевна. Повествование о Мукомоловых строится на контрасте с Солодовниковыми. Как отмечает В.Е. Хализев в «Теории литературы», «литературные персонажи могут представлять не только “носителями” тех или иных ценностных ориентаций, но и воплощениями безусловно негативных качеств либо средоточием попорченной, подавленной, несостоявшейся человечности» [Хализев 2009: 183]. Действительно, если о Марине с Данилой автор повествует с явной симпатией, то, прорисовывая жизнь Мукомоловых, он использует совсем иные краски и интонации.

Лаконично и с напускной серьезностью художник показывает Мукомолова, который отбывал службу в политотделе Сталинградского фронта: «Политотделы ...ближе двадцати километров к боевым позициям не приближались. Вдруг важные бумаги во фронтовом огне сгорят, вдруг задержится выпуск очередного номера армейской газеты, боевых листовок, плакатов и агитационных листовок – это ж катастрофа, это ж удар героической армии с тыла» [Астафьев 2007]. Приехав в Чуфырино, к матери, Виталии Гордеевне, Владимир Федорович к Солодовниковым относится свысока, начиная никому не ведомую войну: требуя то вернуть отцовское ружье, то «укротить» Марину, неприятно поразившую его своим независимым нравом. Неприязненно относится к Мукомолову и Данила, что у Астафьева традиционно подчеркивает противопоставление «передовая – тыл», где симпатии автора безоговорочно отданы Даниле, солдату, побывавшему в «мясорубке» войны и не забывшему о погибших.

Супруга Мукомолова, Нелли Сергеевна, под стать мужу. Недовольная приемом в Чуфырино, она начинает нарочно оставлять на виду кольца, броши, серьги, пытаясь спровоцировать скандал и выгнать Марину из кухоньки. Авторская неприязнь к этой женщине находит отражение в употреблении таких «сниженных» характеристик: «фифочка», «яловая финтифлюшка» [Астафьев 2007]. Речь Мукомоловой тоже оценивается ироничными, отрицательно маркированными выражениями: «выплеснулась словесным фонтаном», «долго трещала», «застрекотала» [Астафьев 2007]. Акцентируя речь данного персонажа, вынося на первый план, что и как говорит Нелли Сергеевна, писатель создает неприглядный образ женщины, поглощенной низкими, мелочными заботами. Права Т.Б. Саложенина, отметившая, что «Мукомоловы – пример не просто мещанского отношения к жизни, а агрессивно-потребительского, злого, построенного на приспособленчестве, лжи и бездуховности» [Саложенина 2009: 43].

На фоне обоих семейств в рассказе выделяется Виталия Гордеевна, которую автор рисует читателям просто: «Женщина в железнодорожной форме, с погонами какого-то непонятного чина, в средних летах»

[Астафьев 2007]. По замечанию соседки Хрунычихи, Солодовниковы стали для Виталии Гордеевны «роднее родных», а собственный сын заслужил только ее гневные слова: «А что ты ожидал? <...> Привык, чтоб ...лебезили перед тобой! <...> Иди! Видеть тебя не хочу!» [Астафьев 2007]. Образ Виталии Гордеевны воплощает житейскую мудрость, что делает во многом не случайным выбор имени для героини: имя «Виталия» – женский эквивалент мужского имени «Виталий», которое «переводится как “жизненный”» [Петровский 1966: 78]. Действительно, именно в образе Виталии Гордеевны, бабы Ити, как ее называл маленький Арканя, реализуется взгляд старшего поколения, которое обладает знанием жизни, мудростью, позволяющими в молодом поколении различать доброе, но беззащитное и подлое, но жизнеспособное.

К сожалению, по мере того, как разрушается жизнь Марины и Данилы, жизнь Мукомоловых набирает силы и уверенности. Владимир Федорович получает должность, пристраивает Нелли Сергеевну в свою контору. И тут автор позволяет себе откровенно заметить: «Целые армии дармоедов, прихлебателей как считали, что на войне и в мирной жизни без них и шагу не сделать, что они главная движущая сила военных побед и возрождающегося прогресса, так и считают» [Астафьев 2007], и ему больно из-за того, что такие красивые душой люди, как Солодовниковы, копошатся «сбоку или уже в ногах» [Астафьев 2007].

Однако, несмотря на то что Солодовниковы погибают, не сумев выдержать тяготы и лишения послевоенной жизни, а Мукомоловы успешно устраиваются в Чуфырино, тем самым торжествуя в новом, только-только становящемся на ноги мире, автору и его читателям ближе по своим нравственным ориентирам и духовным ценностям Марина с Данилой. К тому же у этих героев, связанных с народными устоями бытия, сохраняется и последняя, неподвластная чиновничьему люду, надежда на обретение своего обетованного уголка – неба. Как птицы, вслед за сыночком улетают они с этой грешной земли в «аркадские» небеса.

Отношение писателя к своим героям, авторская позиция, по определению Б.О. Кормана, выражается «через развитие действия, а также ...через сюжетно-композиционную организацию произведения» [Корман 1977: 31]. Так, учитывая построение сюжета, контрастную линию повествования о молодых семьях, следует отметить, что симпатия автора справедливо отдана Марине с Данилой: людям нравственным, сильным, испытавшим на себе все ужасы войны. Вместе с голосами Солодовниковых так или иначе ощущается и авторский голос, сопричастность художника. Теплотой и сочувствием в рассказе пронизаны строчки, повествующие читателю о Марине с Данилой. Мукомоловы же,

чуждые Астафьеву по своему мировоззрению, достойны только предельно четких, холодных и ироничных характеристик. Говоря о них, автор словно записывает хронику приспособленничества и бюрократизма. Рассказывая о судьбах двух молодых семей, Виктор Петрович «всей субъективной организацией произведения» [Корман 1977: 27] закрепляет в сознании читателя, что именно о Солодовниковых, как о сильных, достойных героях войны должно помнить современное поколение. Так, Данила остается в памяти человеком спокойным и заботливым, Марина, пусть сломленная, но красивая и молодая (как прекрасен ее облик на фотографии!). Именно о Солодовниковых, ушедших из этого мира, должны помнить люди, потому что они, прежде всего, достойны памяти.

Список литературы

- Астафьев В.П.* Пролетный гусь / В.П. Астафьев // Астафьев В.П. Восьмой побег. – М., 2007. – С. 547-596.
- Басинский П.* «...и его армия» / П. Басинский // Новый мир. – 1996. – № 1. – С. 218-220.
- Большакова А.Ю.* В. Астафьев и русская литература второй половины XX века / А.Ю. Большакова // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века : сб. материалов I междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В.П. Астафьева. – Красноярск, 2005. – С. 22-29.
- Корман Б.О.* Практикум по изучению художественного произведения : учеб. пособие / Б.О. Корман. – Ижевск : УдГУ, 1977. – 69 с.
- Немзер А.* Замечательное десятилетие. О русской прозе 90-х годов / А. Немзер // Новый мир. – 2000. – № 1. – С. 199-221.
- Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен / Н.А. Петровский. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 384 с.
- Саложеникина Т.Б.* Человек и общество в рассказе «Пролетный гусь» / Т.Б. Саложеникина // Литература в школе. – 2009. – № 6. – С. 42-43.
- Тамарченко Н.Д.* Литературоведческие термины: Материалы к словарю / Н.Д. Тамарченко. – Коломна : Коломенский пед. ин-т, 1997. – 265 с.
- Хализев В.Е.* Теория литературы / В.Е. Хализев. – 5-е изд. – М. : Академия, 2009. – 432 с.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ

Е.С. Дьячкова

*Научный руководитель: Т.А. Снигирева,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

Место записных книжек в творчестве Марины Цветаевой. «“А Вы пишете прозу?” – “Да, записные книжки...”», – такой обмен репликами между Цветаевой и Вяч. Ивановым фиксирует ее запись, сделанная весной